

Д. С. Лихачев

АНГЛИЧАНЕ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ

Публикация Веры Зилитинкевич.

Эти воспоминания об англичанах написаны были Д. С. Лихачевым скорее всего в 70-е годы уже прошлого века не для публикации, а как дневниковая запись. Они отражают одну характерную черту Дмитрия Сергеевича – огромный, очень разносторонний интерес к окружающему его миру, проявившийся, в частности, в любви к путешествиям. Поездка в Великобританию в 1967 году для получения степени почетного доктора Оксфордского университета, о которой здесь говорится, стала важным событием в жизни Дмитрия Сергеевича. Побывал он тогда не только в Оксфорде, но и в Лондоне, Кембридже и Эдинбурге. Во всех этих городах он читал университетские лекции. Одна из них – специальная лекция по славистике в Оксфорде, илчестерская (Pechester lecture) – упомянута в этих записках.

Британию Дмитрий Сергеевич полюбил и вспоминал об этой поездке больше, чем о какой-либо другой. Из воспоминаний видно, как нравился Дмитрию Сергеевичу сложный этикет поведения британцев, основанный на традициях. Нужно сказать, что той «Англии», о которой пишет Дмитрий Сергеевич, уже нет, и многие упомянутые им правила забыты. Тем более интересно опубликовать то, что он увидел и запомнил.

Оригинал воспоминаний хранится в фонде Д. С. Лихачева в архиве Пушкинского Дома в Петербурге.

Английские правила поведения

У меня сохранилась цветная фотография. На ней я разговариваю в красной мантии с вице-канцлером Оксфордского университета, - он тоже в мантии. В руках чашечки кофе. Мы стоим. Это было сразу после моей илчестерской лекции, которую я читал в том же зале, где перед этим я был награжден почет-

ной степенью доктора Оксфордского университета. С тех пор я имел право позади своей фамилии ставить Oхon., что значит Oхonian.

После любезного разговора, кто-то из англичан подошел ко мне и спросил – как я нахожу их вице-канцлера? Я ответил: он удивительно просто держится; в нем нет никаких следов важности – важности занимаемого им поста. Конечно, - ответил англичанин, - он ведь хорошо воспитан.

И в этом все правила английской воспитанности: надо быть простым, непринужденным, внимательным к собеседнику, делать все так, как это удобно другому. Поэтому нельзя быть умнее¹ в разговоре, чем собеседник, лучше одетым, чем гости, неуступчивым к соседу, снисходительным к другим или торжествовать победу над соперником, показывать свое превосходство, радоваться своей победе или чужому поражению. Надо быть простым и «тихим» во всех смыслах.

Костюм не должен быть слишком модным, галстук слишком ярким, манеры манерными, смех слишком громким и т. д. и т. п. Надо говорить медленно; именно медленная речь уважительна. Она должна быть спокойной. Нельзя «выходить из себя», замечать оплошность другого. Нельзя подчеркивать свою вежливость и воспитанность, нельзя хвастаться своими знаниями, эрудицией, талантом в какой-либо области. Нельзя произносить длинных речей, ораторствовать. Лекции лучше читать по писаному тексту, чтобы из уважения к слушателям полностью отвечать за свои слова. Нельзя подозревать в собеседника любителей слушать анекдоты и остроты; поэтому достаточно ограничиться одной остротой или анекдотом. Нельзя писать много научных работ. Настоящий ученый должен быть автором одной знаменитой книги – книги, которая была бы плодом многолетних и уважительных к читателям больших разысканий.

Оратор, ученый-журналист, бесконечно мозолящий глаза и уши публике, - невоспитанный человек. И при всем том воспитанный англичанин правдив. Он

¹ т.е. показывать, что ты умнее.

не станет льстить, расхваливать и перехваливать - это лакейство. Рядом с уважением к другим должно существовать уважение к себе.

Надо держаться с достоинством, но без важности. А что уважать в другом? Прежде всего его свободу и покой. Поэтому младший не должен первым здороваться со старшим (старшим по возрасту, старшим по полу – с женщиной и только в редких случаях старшим по общественному положению). Старший может поздороваться с младшим первым и протянуть ему руку, но может этого и не сделать и тогда в этом нет ничего обидного, так как причин, по которым старший не здоровается может быть много. Он может не поздороваться, чтобы не прервать завязавшийся разговор, не нарушить настроение собравшихся, не смутить молодого человека и пр. Если приходится уходить раньше, то чтобы не нарушить компанию следует это сделать «по-английски» - не прощаясь. Последнее знают все, но первое – войти, не здороваясь «по-английски» знают немногие.

В вагоне поезда или метро нельзя смотреть пристально на соседей, особенно на дам и девушек. Женщина, войдя в ресторан и занимая место за столом, должна сесть спиной к остальной публике, чтобы самой не глядеть и чтобы на нее не смотрели. Даже в компании нельзя разглядывать картины, висящие на стенах, так как это может быть знаком того, что вам скучно. Боже упаси сесть в отдалении, погрузиться в свои мысли: это вы можете сделать и дома. В обществе следует быть внимательным ко всем. И первый признак внимательности - слушать других!

Чувствую, что кто-то скажет: но ведь это трудно, это через силу, это лицемерие, не искренно, не просто. Лучше вести себя естественно... Нет! Именно это поведение и естественно для человека деликатного, внимательного к другим, интеллигентного. И трудно такое поведение только для человека с несоциальным характером: грубого, эгоистичного, шумного, стремящегося все собой вокруг заполнить, вызывать всеобщее внимание и даже, как ему может показаться, восторг... Поэтому лучше уж не признаваться, что эти правила воспитанности вызывают какие-то трудности и лишают человека естественности.

А теперь о некоторых отличиях английских правил хорошего тона от «континентальных». То, о чем я говорил выше, было в высшей степени свойственно и русским воспитанным людям. Многие английские правила – чисто формальные и среди этих правил есть и хорошие и те, что мне лично не очень нравятся.

Прежде всего, если вас приглашают к чаю, к обеду, на champagne party, cocktail party и т. д. то приходить нужно вовремя, совершенно точно. Можно придти раньше, но не больше, чем на 10 минут. Иначе это может принести неудобство хозяевам. Чтобы придти вовремя, если приходится ехать издалека, за город и пр., то надо приехать раньше и прогуливаться перед домом. Однажды мы были приглашены в Комарове к пяти часам к одному академику. Когда мы подходили к даче, то заметили двух англичан, которые прогуливались перед его домом. Они тоже были приглашены и приехали из Ленинграда заранее, так как думали, что приглашены к чаю (в пять часов - вся Англия пьет чай, даже в театрах в антракте дневных спектаклей разносят подносики с чаем и молочничками - англичане пьют чай с молоком). Мы тоже пришли немного раньше пяти. Нам показалось, что англичане ищут дачу. Нет, они посматривали на часы, чтобы придти ровно в пять. Когда же мы вошли в дом, оказалось, что чай не готов и надо было ждать час! Ужас!

За английским столом скучно. Общего разговора не бывает, так как надо говорить тихо (и, как я сказал, медленно). Разговаривают только с соседом, причем с переменной блюда следует сразу менять и собеседника. Разговор даже не стремятся при перемене блюда как-то завершить. Все отворачиваются от соседа справа к соседу слева или наоборот. И надо уметь заводить новый разговор сразу, непринужденно и с вниманием к собеседнику.

О чем же говорят англичане за едой? Прежде всего о погоде. Погода в Англии капризная и говорить о ней можно без конца. Каждый англичанин по своему метеоролог, метеоролог-любитель во всяком случае. На официальных обедах в мою честь в Лондонском университете, в Оксфорде и Кембридже со мною говорили о погоде так интересно, как у нас не говорят. Дамы говорят еще о прислуге – жалуются. Говорят о летних путешествиях. Я даже думаю, что анг-

личане и путешествуют летом для того, чтобы иметь возможность об этом поговорить зимой. Кто не путешествовал – говорит о том, куда он собирается поехать.

Безусловно запрещено говорить за столом о политике, о спорте, о религии: вы можете быть разных убеждений с соседом и это может взволновать собеседника. Если вы и начнете разговор на эти темы, - вас вежливо, внимательно выслушают, не перебивая, но разговор не поддержат. Вообще слушать собеседника со вниманием и интересом - обязательно. Перебивать недопустимо даже извинившись.

После стола, отправившись в другую комнату, надо переменить собеседника. Нельзя снова продолжать разговор с соседом по столу слева или с соседом справа. Вы должны подойти к третьей даме. Слишком много внимания одному собеседнику – будь то дама или мужчина – это shocking. На официальных обедах всегда бывает самый почетный гость, для которого и дается обед. Особенно он должен следить за тем, чтобы менять собеседников, стараясь поговорить со всеми.

Черный или темно-синий (реже темно-коричневый) костюм равняется фраку. Чем светлее костюм, тем он неофициальнее и наоборот. Когда вас приглашают, надо узнать стороной или прямо – насколько этот прием официален. Нельзя быть одетым темнее, чем полагается: хозяева могут подумать, что вы ожидали не то. Но и светлее быть одетым худо: неуважение. И положение хозяев не из легких: нельзя быть одетым более темно, чем гости, и нельзя быть одетым лучше, чем они. Особенно хозяйка не должна затмевать гостей своими нарядами. При всех обстоятельствах незамужние, девушки, не должны носить золото и бриллианты.

Для загородной поездки нельзя быть в костюме. Одежда должна быть полуспортивной или, по крайней мере, следует одеть пиджак и брюки от разных костюмов.

В Эдинбурге мы поехали в Хайланд в замок сэра Стивена (Рансимана - византолога). Мы были в обычных костюмах. Хорошо бы быть в полуспортивном. Нас встретил к завтраку сам сэр Стивен в совершенно затрапезном костюме с пузырящимися брюками: это, чтобы не быть одетым лучше гостей и не смутить их (тем более, что один – советский). У сэра Стивена работал садовник, работал и столяр, делая книжные полки в башне XVI в., превращая эту башню в библиотеку, но кофе заваривал и на стол накрывал – хозяин. В знак того, что он без прислуги, он надел белый кружевной фартучек. После все гости стали убирать посуду со стола и мыть ее. Так принято.

В домашних обстоятельствах мужчины заваривают кофе, готовят мясо, режут мясо и хлеб и имеют дело со всем, что связано с механикой: стиральными машинами, сушилками, посудомойками, полотерами и пылесосами. Работу с ними ведут мужчины. Это их часть домашней работы. Неуважение к жене – заставлять ее целиком вести домашнее хозяйство. В наше время у мужской и женской половины семьи четко разделены домашние обязанности. Гораздо обязательнее иметь садовника, чем прислугу-кухарку. Но есть, конечно, мужчины, которые с увлечением подстригают зелень (проф. Власто в Кембридже), сажают цветы (особенно «дафодилз» - махровые нарциссы желтого цвета). Кстати, их сажают не в клумбах, а среди газона. Они должны казаться естественным полевым цветком. Делается это так. Мешок с луковицами приносит с собой владелец и высыпает на газон (луковиц 10-12 не меньше). В том месте, где луковица упала – там ее и закапывают. Весной на газоне то тут, то там появляются как бы цветочные «сгущения» (иначе их не назовешь).

Гостю, который впервые в доме, хозяин показывает свой дом, но не хвастается (Боже избави): просто так – другу надо знать как живет его друг. Но гость должен делать комплименты хозяину, его дому, его саду. Лицемерие? Нет! Гость не должен хвалить все подряд, однообразно и скучно. Он должен найти что-то, что его заинтересует, что ему понравилось, по поводу чего он может обратиться с вопросом к хозяину. Интеллигентному гостю это не трудно. Поэтому все образованные англичане скромные знатоки мебели, скромные знатоки живописи и прикладного искусства разных видов.

«Скажите: это викторианская ваза? Вам она досталась от родителей или вы интересуетесь викторианской эпохой? Я викторианство тоже очень люблю»: такой разговор постоянен. Надо проявлять интерес к хозяину и ко всему, чем интересуется он. Скучающий вид у гостя - оскорбителен, если только может оскорбить человек невежливый по воспитанию.

Дело в том, что у англичан существует золотое правило: можно обижаться только тогда, когда вас хотят обидеть. На простую невоспитанность обижаться нельзя: вас просто не пригласят вторично – вы «не того общества». Нельзя обидеться на неравного, или на незнающего правил приличия: например, на иностранца или на художника. Это также в крови у воспитанных людей, как, скажем, обычай есть мясо вилкой, а не ложкой.

Очень твердые и разумные правила существуют у англичан о том, кто кому уступает место в машине или дорогу в дверях. Сцены в дверях, как у Чичикова с Маниловым, в Англии были бы просто непонятны: ведь дорога принадлежит старшему (разумеется по возрасту), даме, хозяину. Она как бы его собственность и он вправе ее уступить, «подарить». Младшему дорога не принадлежит, и переуступать ее старшему он не имеет права. Двое подходят к дверям. Старший молча делает жест, предлагая пройти младшему. Обязанность младшего слегка поклониться и побыстрее воспользоваться «подарком». От подарка не отказываются. Если младший по каким либо обстоятельствам оказался первым у двери, - он не делает приглашающего жеста. Он просто чуть отходит и ждет пока пройдет старший. Чаще всего старший, а особенно дама, пользуется своим правом. Но если младший гость в доме, хозяин почти всегда уступает ему дорогу. Все происходит быстро и почти незаметно. Ну, а если оба равны и не один не хочет взять на себя роль старшего? Это просто: после минуты замешательства один из двух делает необходимый жест. Спорить тут неприлично. Также поступают тогда, когда садятся в машину (наиболее почетное место в машине левое, хотя это и неудобно).

Говорят, что русские (а особенно старые петербуржцы) любят друг другу подавать пальто. В старом Петербурге у себя на квартире старый профессор всегда снимал с вешалки и подавал студенту его шинель. Тот ёрзал, но все же

принимал этот подарок (если он, конечно, был хорошо воспитан, так как отказываться от этой чести, оказываемой хозяином, было превратить эту честь себе – в унижительный поступок для хозяина).

У англичан есть на этот счет свои правила. Снимать пальто с вешалки – это дело только лакея или самого обладателя пальто. Хозяин пальто не снимает с вешалки, но когда гость его снял, он берет у него пальто из рук и помогает гостю одеться. Это настолько просто и естественно, что иногда гость, сняв пальто сам подает хозяину свое пальто, чтобы тот помог ему одеться. Это даже хорошо: это знак того, что гость не сомневается в добрых к нему чувствах хозяина. Жест этот дружественный. Воспитанный человек уверен в дружественности окружающих.

При входе в ресторан, при выходе из вагона мужчина или младший идут первыми: для того, чтобы помочь даме, подать ей руку, поддержать ее или для того, чтобы встретив метрдотеля, попросить его указать места в зале, заказать ужин и т. д.

Но помните одно: когда вы с дамой, нельзя уступать очередь другим (это вы сделали бы и за свою даму). Если ваш друг с дамой и вы его встретили в театре или на улице, - нельзя здороваться первым: это означало бы, что ваш друг должен вас представить своей даме. А если он не хочет представлять?

Дама идет рядом с мужчиной с наименее опасной стороны: со стороны мостовой всегда идет мужчина. Нельзя брать даму под руку. Под руку берет вас дама, а ваша обязанность предложить ей руку при переходе через улицу, в трудном месте, или тогда, когда все гости направляются из гостиной к столу. Так было и в царской России. Я помню, как возмущался мой отец, когда во время первой мировой войны какой-то офицер (сколько их тогда «напекли») тащил под руку женщину в фетровых ботиках. Ботки тогда были красные, но неудобные. Их надевали на туфли с высокими каблуками, подметки у ботишков были кожаные и они скользили по снегу: как ходили дамы – не пойму! Брать даму под руку все-таки не следовало: надо было предложить ей руку. И вести с достоинством. С достоинством! Соблюдать его не впадая в важность – это искусство.

во. Dignity! Это далеко не просто. Любезность не должна была превращаться в лакейство, а чувство достоинства в чванство, в чувство своей значительности.

Есть английская манера снимать шляпу перед знакомыми. Протягивая правую руку (хотя в Англии рукопожатия редки), снять левой рукой шляпу с головы и не опускать, а подержать над головой, то есть приподнять шляпу. И только. Не кланяться. Лицо должно быть дружественным, но без особой улыбки. Dignity больше всего выражается в этой английской манере здороваться. Простота и достоинство без важности. Важность, как я уже сказал в начале, - признак дурного воспитания. И никто за эту невоспитанность не несет ответственности, кроме самого невоспитанного господина. Ибо манеры человека - это сам человек. И дело не в умении или в неумении, а во внутреннем благородстве, которое у человека должно быть в первую очередь и проявляться в его манерах.

Человек – не лакей и не вельможа, не бесправный подчиненный и не сатрап. Он друг всех окружающих его людей. Он не мешает им, не навязывается, не замечает чужие ошибки и не придает особого значения своим, если они не наделали больших бед. Он уверен и в том, что окружающие его – его друзья, которые не «обрадуются» его ошибкам.

В «Идиоте» у Достоевского есть рассуждение о светских манерах (в том месте романа, где в Павловске у англомана Епанчина Мышкин разбивает вазу). Он говорит о них с ненавистью и презрением. Ох, многого не испытал Достоевский, хотя и был в «Мертвом доме»!

Но в англоманстве есть и действительно плохое. Очень часто оно возникает под влиянием снобизма. Снобизм в английском смысле – это стремление заводить знакомство с аристократами и знаменитыми людьми, хвастаться этими знакомствами, хвастаться своей знатностью, своим положением – прежним или настоящим.

Существовал особый эмигрантский снобизм. Каждый эмигрант первого потока (сразу после революции) стремился подчеркнуть, а то и преувеличить свое былое положение в России, знатность своего рода и пр.

Владимир Набоков – сноб до мозга костей. Его отец был англоман, и это тоже своего рода снобизм (высшая аристократия имела домашним языком английский, следовала английским манерам; средняя аристократия говорила по-французски; особой изысканностью считалось говорить по-французски с английским акцентом). Набоков сноб в своих воспоминаниях, сноб в своих спортивных вкусах, сноб в своих убеждениях, сноб в стиле (усложненном) своих писаний, сноб в своем преклонении перед Прустом, Толстым и Джойсом, сноб в своем увлечении бабочками. Но снобизм – это разновидность высшего лакейства. И снобизм также безвкусен, как и любое важничание, надутость, чванство, – только выше рангом.

Впрочем, несколько слов об увлечении Набокова бабочками. Это то, что называется «хобби». И в самом хобби нет ничего дурного. Напротив, каждый воспитанный англичанин должен иметь хобби. Почему? Чтобы легко и с достоинством переносить любые неудачи и удары судьбы. Неприлично, например, придавать большое значение тому, что человеку не удалась карьера, лишился места, провалился на экзамене, обойден награждением. Человек в этом случае не должен печалиться, иметь удрученный вид. Это непоправимо роняет его dignity. Во всех этих случаях помогает «хобби»: тут всегда можно найти утешение, пополнить коллекцию, выиграть партию в крикет, регату, съездить в какую-нибудь самую экзотическую страну, совершить пешую прогулку. Удовольствия хобби всегда к вашим услугам и надо только уметь выбрать для себя это хобби – такое, в котором могут быть только удачи и приобретения и никаких потерь!

Хобби нужно для dignity. Вот почему увлечение футболом или хоккеем или другим видом спорта не может быть хобби. Тут может быть и выигрыш и проигрыш. Хобби же – это только приобретение. Никаких разочарований, крупных во всяком случае, в хобби не должно быть.

Из рассказов Елизаветы Федоровны Хилл

Е. Ф. Хилл, которая недавно получила от королевы титул dame, равняющийся рыцарскому «сэр» родилась в Петербурге. Отец англичанин, мать рус-

ская. На международном конгрессе славистов в Москве в 1958 г. во время поездки в Троице-Сергиеву лавру вот, что она рассказывала о дореформенных обычаях Оксфорда, когда еще студенты обязаны были носить «гаун» и за их поведением строжайше следили. Рассказы эти передают не только дух Оксфорда, но и характеризуют английское спортивное и правовое сознание в целом, а заодно и манеру поведения англичан.

Студенты в Оксфорде обязаны были носить гаун. Гаун - это черная тонкая мантия. Выезжая из Оксфорда в Лондон, гаун можно сложить в несколько раз и запихнуть в портфель, но портфель не всегда удобно брать с собой – в театр, в ресторан, в кафе, даже в паб – это не совсем прилично.

Поэтому гаун лучше всего оставить в колледже в той комнате, которая над входной дверью. Возвратившись из Лондона надо постучать по водосточной трубе или подать другой знак и студент, занимающий комнату над входной дверью выкинет ему гаун. Он его оденет и войдет в колледж в гауне; швейцар не имеет права его не впустить, а без гауна не впустит.

- Но, - говорю я, - швейцар легко заметит эту проделку, попадет обоим студентам?

- Нет, в обязанности швейцара не входит доносить. Он только не должен студента впускать без гауна. А где он его оденет, где оставляет, кто ему выкидывает гаун из окна – это не его дело.

- Но, - говорю я, - разве каждый студент занимающий комнату над входом станет выкидывать гаун? Может быть он рано ложиться спать?

- О, тогда он не должен занимать комнату над входом! Если уж он в ней живет – это его обязанность.

Последний поезд из Лондона в Оксфорд приходит без десяти двенадцать. А в колледж впускают только до двенадцати. Если студент опоздает, ему записывают замечание. Три замечания в книге колледжа и студента исключают. Хорошо, если колледж студента недалеко от вокзала, а если далеко? Тогда студент бежит и каждый владелец машины, видя бегущего студента, стремится подхватить и довести его до колледжа.

- И часто так бывает? - спрашиваю я.

Всегда! Ведь студент может провиниться.

Примечание: англичане всегда болеют за слабейшего, за спортсмена, который слабее, за проигрывающую команду. Сочувствие англичан (а тем более жителей Оксфорда!) всегда на стороне студента, провинившегося или могущего провиниться.

Три замечания записанные в книгу! Если замечание не записано в книгу, - оно не считается. Но записать в книгу можно только тогда, когда он пойман, спрошен и ответил признанием. Иначе в книгу записать нельзя.

- А если видели и есть свидетели?

- Все равно такое замечание не может быть записано.

- Как же записываются замечания?

- Педель идет по городу с двумя «догами» и несут книгу на цепи. Если они увидели студента без гауна или в ресторанчике и пр., то «доги» стремятся захватить студента, а студент пытается от них убежать.

- Кто же такие доги?

- Доги - это студенты, которые по очереди должны ходить с наставником и ловить провинившихся.

- И как же это происходит?

- Студент, заметив, что его застали на месте преступления, пускается бежать. Если он успевает добежать до колледжа, то доги входить в колледж не имеют права и он спасен. Доги могут знать студента, но записать его в книгу без собственного признания не имеют права. Когда студент бежит от догов, прохожие все на стороне студента и стараются ему помочь.

- А как же доги? Как они после встречаются с тем студентом, за которым гнались? Ссора на веки?

- Что вы? Это же спорт! Когда студент добежал до колледжа и успел в него войти, он часто выходит к ним и они распивают по стаканчику вина в ближайшем ресторанчике: студент и доги. Все всегда кончается мирно.

Правовое сознание англичан

Перед моим приездом в Кембридж был следующий случай. Однажды к повару колледжа явился студент и сказал: «На основании установления университета от такого-то года (XV в., - Д. Л.) всякий студент, испытывающий жажду, имеет права попросить у вас стакан вина». Повар покосился, но ничего не сказал и выдал ему стакан вина. Об этом случае повар запросил главу колледжа. Долго думали – как быть? Если все начнут приходить и просить вино, начнется озорство и пьянство. И действительно, на следующий день к повару явились с тем же требованием уже трое или четверо. Повар ответил: «Однако на основании установления того же года студенты обязаны носить определенную одежду и являться в колледж не только в гауне, но в чулках и башмаках с пряжками. Вы одеты не как студенты и вина вам не полагается». Опасность была предотвращена.

Случай этот объясняет известный эпизод в Кембриджском периоде жизни Байрона. Байрон поселился в колледже с собакой. Ему объявили, что по установлению такому-то собак в колледжах держать запрещено. Байрон уехал и через некоторое время возвратился в Кембридж с медведем и жил с ним беспрепятственно: установления, запрещавшего заводить медведей, в Кембридже не было.

Обычаи в колледжах

В Оксфорде в Ньюколледже существует обычай: во время еды не глядеть на портреты, которые висят в холле в колледжах. Если студент заметит, что другой студент смотрит на портрет за столом, он может встать и, громко обвинив студента, потребовать от него, чтобы он всем поставил выпить пиво. Это как бы штраф. Но... обвинительную речь он должен произнести только на латыни. Только тогда она действительна.

Англия – страна мужчин

Надежда Городецкая рассказывала мне в Ливерпуле. Когда она подала заявление на должность профессора в Ливерпульском университете, женщин-преподавателей там не было. Главный вопрос для коллегии, решавшей вопрос о

ее приеме, был не в том – достаточна ли ее квалификация, а как быть с клубом! Ведь она будет иметь право быть членом профессионального клуба, а клуб состоит пока только из мужчин. Как будут в ее присутствии курить? Как будут рассказывать анекдоты? Ее приняли, но все ждали: явится ли она в клуб после обеда? Не знала как быть и Городецкая. По правде сказать – ей очень не хотелось являться в этот клуб, но она подумала: если она не придет, то это создаст прецедент для всех женщин-профессоров в дальнейшем. Вход в клуб будет для них закрыт. И она пошла. Молчание, минуты стеснения. Наконец канцлер или вице-канцлер (во всяком случае старший из присутствовавших) развалился в кресле и закурил, положив руку на спинку стула Городецкой. Тем самым был дан знак: она принята на правах мужчины и никаких различий для нее делать не следует. Вздох облегчения (негромкий, подавленный).

В Оксфорде я был приглашен в женский колледж на обед. Перед обедом все собрались в кабинете Анны Пеннингтон. Преподавательницы пили аперитив, курили и громко смеялись, подражая мужчинам: обычаи мужских колледжей были обязательны и для женских.

Стоит прибавить к этому, что Англия и страна моряков тоже. Двухэтажные автобусы называются у них двухпалубными (double-decker), а время указывается и то, что принято для моряков (различий я точно не знаю).

Англия – страна сквозняков

Графиня Соллогуб, поселившись в Ливерпуле, всегда говорила, что Англия вся в сквозняках и недовольно куталась в шарф, выходя на улицу. Англичане ее очень уважали за русский патриотизм: проходя в Ливерпуле мимо памятника Севастопольской компании, состоявшему из русских пушек, захваченных в Крыму, она всегда заслонялась от него шарфом, поднося его к глазам, и отворачивалась. Так рассказывают о ней англичане.

Английский патриотизм

В 1923 - 24 г. я занимался в университете английским языком с мистером Клером. Мистер Клер любил упрекать нас в отсутствии патриотизма. Мы горячо возражали. Однажды он сказал: «Я вам это докажу. В Англии каждый школьник знает сколько букв в английском алфавите; скажите – сколько букв в русском?» Мы стали называть разные цифры. Мистер Клер взялся за живот и от души смеялся.

Мы возразили: «У нас была реформа орфографии и поэтому мы сбились». «Хорошо. - ответил мистер Клер. - В Англии каждый англичанин знает в честь чего воздвигнута Трафальгарская колонна. Ваша Александровская колонна значительно больше. В честь чего она воздвигнута?» Посыпались разные ответы: взятие Парижа, кампания 1812 года, Александр I и пр. Клер брался за живот и смеялся, жмурясь от удовольствия.

Затем пришел черед смеяться нам. Мистер Клер рассказывал короткие эпизоды из своей биографии, которые заставлял нас потом пересказывать. Он долго жил в Африке, - вывозил оттуда зверей для Лондонского зоопарка и был даже женат на негритянской принцессе. Он хорошо говорил на некоторых африканских и европейских языках. Однажды, - рассказывает он, - наш пароход подъехал к Берегу Слоновой Кости. Пристать было нельзя, и пассажиров высаживали в лодки, которые потом приставали к песчаному берегу. В одну из лодок сел мистер Клер. Гребцы были негры. И вот он слышит, что негры говорят между собой о нем: «Кто этот человек? Он португалец – он хорошо говорит по португальски». Затем он слышит: «Нет, он француз. Он еще лучше говорит по французски». Так негры перебрали несколько национальностей и не могли решить – кто же он. Наконец, лодка уткнулась носом в песок. Выскакивать надо было из лодки в набегающие на берег волны. Первым выскочил француз, затем, португалец, немец... Остался в лодке мистер Клер и женщина с ребенком на руках. Мистер Клер соскочил в воду и перенес женщину на руках. И он услышал, как негры сказали о нем: «Нет, он не португалец и не француз, и не немец. Он - англичанин!».

Источник: Культура и общество: Альманах международного благотворительного фонда имени Д. С. Лихачева. СПб., 2005. С. 34-47.